

Конечно же, не двое. Кроме них, на земле ещё миллионы и миллионы людей. Но в умирающей родной деревне их осталось только двое — весь остальной народ уехал, перебравшись в более удобные для жизни места, или лёг под тополя — так в деревне издавна называли место захоронения односельчан. И оставшимся двоим никто не может помочь дожить последние — месяцы, годы? — жизни, потому что они наглухо отделены от мира бездорожьём и равнодушием к их судьбе.

Вот им и кажется: на всей огромной матушке-земле их осталось двое...

Невесёлые эти мысли овладевают душой и сознанием после чтения повести Василия Киялякова «Последние». В книгу «Посылка из Америки» (издательство ИПО «У Никитских ворот», 2018 год) включены и другие повести и рассказы автора, и каждый из них достоин отдельного разговора. Но я не профессиональный критик, обязанный детально исследовать по определённым канонам каждое из произведений и давать ему соответствующую оценку. Я — читатель, и в некотором роде собрат (сестра?) по перу, которому именно «Последние» ударили по сердцу больше всего. До сих пор это удавалось, кажется, только Белову, Распутину, Астафьеву, Абрамому...

Повесть «Последние» потребовала от меня напряжения души. Сюжет её прост: молодой мужчина, бывший военный, а ныне — охранник в частной фирме (как всё это знакомо — правда?) приезжает в деревню, где проходили летние месяцы его детства. Столичная жизнь, теперешний способ добывания средств для содержания семьи до того осточертели герою, что он решает на эту поездку в надежде, что полученные впечатления помогут ему понять: что же происходит с его страной и им самим, отчего болит душа и не подарит ли ему малая родина лекарство от этой боли?

А малой родины, считай, уже и нет... «Две старухи и старик — всё, что осталось от жителей Выселок. Святочные метели замели подворья, задичавшие сады, заброшенные избы. На пустой заснеженной улице криво, как пьяные, стоят опоры электропередачи...»

Вот с этими-то двумя старухами и стариком суждено было герою прожить несколько дней в умирающей деревне. Акулина, Лизавета, Кузьма Лукич... Распорядок жизни был такой: утром Сашка (так звали героя) заходил за Кузьмой, вместе они шли к бабке Лизе, потом — к хворой Акулине, где и завтракали вскладчину. Старики

рассказывали Сашке свою жизнь, а он слушал и думал. И сравнивал реалии столичной жизни с тем, что узнавал от стариков и видел своими глазами. Там — город-гигант, забытый иномарками, казино, ресторанами. Здесь — «...вышел на улицу — ни единого следа, ни звука, ни признака жизни»... Там — дебаты о «свободе, о создании демократического пространства и неприкосновенности частной собственности» (московские нувориши почему-то решили, что собственность, которую они у народа украли — заводы, фабрики, — недра — стала неприкосновенной), здесь бабка Акулина лежит в холодной избе на печи в валенках и телогрейке. Здесь те, кто, по сути, похищенную у них собственность создавал, живут в нищете и уже без надежды на регулярно обещаемое народу светлое будущее. «Председатель так и сказал, как помрём мы, обе старухи и я — „святая троица“, бульдозером снесёт, с землёй сравняет деревню», — говорит Кузьма Лукич.

Ночи Сашка коротал в родной избе. Ему снились странные сны. Самый странный — когда явилась во сне сама Богородица. Ей-то он и выплёскивал свои муки-сомнения. От неё и услышал: «Боль твоя душевная заслуженна. Не ты ли и друзья твои и не сам ли народ позволил, чтобы богатства перетекли в карманы чёрной кости и „позлащённой“ её сделали? В смерти Сына моего виноват не только Иуда. Иуда только орудие»... В другой раз приснился ему родной дед Терентий; уточнив, кем работает внук, тоже спросил, как ответил: «А от кого ты охраняешь? Имущество-то? От воров или, может быть, от народа?»...

От народа — значит, от мёрзнущей на давно нетопленной печи Акулины, от бабки Лизы, на которую тоже горестно глядеть: «Маленькая росточком, с опущенными узкими плечами, со сморщенным, как мочёное яблоко, лицом... ничем не походила она на бывшую трактористку, разве только мужскими руками, не в меру длинными, грубыми, с узловатыми синими венами»...

Вам стало скучно, уважаемый читатель? В самом деле: куда интереснее — и, главное, легче читать любовный роман, детектив или фэнтези. А эти заброшенные в заброшенной деревне старики — что в них интересного?... Но должен же среди сонма писателей, словесными и смысловыми трюками отвлекающих нас от проблем реальной, а не смоделированной жизни, найтись такой, кто сочувствует им, заброшенным, всей душой, болеет их болью, стремится понять и хоть как-то, хоть чем-то помочь. Вот и наш герой (читай: автор повести) собирается поутру с Лукичем в райцентр — за хлебом. Поход этот — дело нешуточное: дороги в райцентр давно нет, идти придётся по целинным сугробам. Однако хлеб у стариков кончился, другие припасы тоже пора пополнить.

Это путешествие за хлебом — само по себе повесть в повести. И дело не столько в подробностях преодоления нелёгкого пути, сколько в том, что в дороге Сашка открыл новые грани характера Лукича и нашёл ответы на некоторые, задаваемые себе, вопросы. О том, что его попутчик «в колхозе дня не работал, на войне не был... все в городе ошивался, в депе» — он знал и раньше — Кузьма, как и другие мужики, частенько заходил к его родному деду, и Сашка, тогда мальчишка, не раз был внимательным свидетелем их долгих разговоров, от которых бабка в конце концов свирепела: «Мужики, ай не стыдно в чужих людях сидеть до глубокой ночи?.. Ай дела округ дома нету?..»

А мужики — опять о войне, о плене, о том, как после войны колхоз поднимали. Так что жизнь их в общих чертах Сашке была знакома. Но вот какова она сегодня, сейчас...

Кузьма ещё перед дорогой сразил его своей одежкой-обуткой. «Полушубок — подрезанный зипун, заплатка на заплате. На ногах — огромные лапти, серые онучи из суконного одеяла. Меня разбирал смех...» Однако скоро оказалось, что надевалось

всё это неспроста: в лаптях и онучах легче было преодолевать сугробы — снег в такую обувь не набивался. А одежда... Когда путники, с великим трудом преодолевшие до-рогу, пришли к автолавке, сразу поняли, что ни хлеба, ни других покупок им можно не дожидаться: покупателей было больше, чем товара. Что делать? Возвращаться в де-ревню, к Лизавете с Акулиной, с пустыми руками? И тут Кузьма (заплатанный зипун тоже оказался кстати) устроил спектакль — притворился больным падучей. И народ — «Ишь, трясёт его всего, пустите...»

Отоварившись, «воскресший» Кузьма ещё и частушку пропел:

*Раньше ел я каждый день,
А теперь — с получки,
Этот, с пятнышком на лбу,
Нас довёл до ручки!*

Вот как, оказывается, сегодня, сейчас — ответил себе на свой же вопрос Сашка. А если бы по-другому — вернуться им в деревню без хлеба...

И среди множества других мыслей в Сашкиной (и читательской) голове появ-ляется такая: да, не герой Кузьма, восхищаться им не след, но не потому ли, не для того ли он и уцелел в этой жизни, чтобы поддержать стариков-односельчан в самый тяжёлый период их жизни, когда они — изношенные и измочаленные тяготами жиз-ни — никому уже не нужны: ни государству, ни местной власти, ни родственникам, устроившимся в городах?

Ну, интересны ли такие типажи — простые да неказистые — работникам слова, с упоением ваяющим любовные драмы? А вот Василий Киялков такими героями не погнушался. Более того, решил, что их жизнь достойна самого пристального внима-ния и подробного описания, потому что многому может нас научить. Чему? Сострада-нию, например. Не потеряли ли мы в суеете нынешнего существования (или всё-таки жизни?) это драгоценнейшее, поистине христианское свойство души? А если сострада-ние ещё и действенно...

Да и не так уж они просты, его простые герои. В ходе повествования оказывается, что на ладан дышащая Акулина всю жизнь любила Кузьму — любила, да мать за него не отдала. Так и проходили всю жизнь друг мимо дружки. Смешно?.. А может — пе-чально? Печально до слез...

Зато какой подарок сделал Лукич для несостоявшейся невесты!

Когда наши путешественники вернулись в деревню, Лизавета сразила их вестью: Акулина отходит. И старушка к утру действительно отошла. Кинулись Сашка с Лу-кичом искать доски на домовину, но во всей деревне ничего подходящего не нашли. И тогда Кузьма отдал усопшей... собственный гроб. Для себя делал, трезво полагая, что когда придёт его час — заказать гроб будет некому.

В нем Акулину и похоронили.

Сашка засобирался домой...

И остались они в родной деревне двое — Лизавета да Кузьма. В опустевшей дерев-не — словно на всей земле...

Наталья МОЛОВЦЕВА

